

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Образ ребенка-пользователя глазами родителей младших школьников и младших подростков: качественное исследование

Цыганова Е.М.¹, Бочавер А.А.¹, Нисская А.К.¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Цифровые технологии и социальные сети все плотнее встраиваются в жизнь современной семьи, и в задачи родителей входит знакомство своих детей с интернет-пространством, обучение их технике безопасности и начальное сопровождение в пользовательской активности. С целью изучить стратегии родительской медиации и связанные с ними представления родителей на выборке российских родителей младших школьников и младших подростков было проведено 24 полуструктурированных интервью с родителями детей соответствующих возрастных групп. В интервью затрагивались темы автономии детей в сфере использования электронных устройств, а также практики ее поддержки и контроля среди современных родителей. На основе того, как родители воспринимают поведение и уязвимости своих детей, описаны типы «образа ребенка». Родители учитывают разного рода уязвимости ребенка в своих практиках цифровой медиации; эти практики различаются в зависимости от возраста ребенка. «Моральная паника» в связи с погруженностью современных детей в интернет находит слабое отражение в высказываниях родителей. Эмпирически выявлены теоретически обоснованные типы родительской медиации использования электронных устройств: активная, ограничивающая, совместное использование, мониторинг и технический контроль. Также описаны медиация-наказание и вовлечение в иные занятия как альтернатива онлайн-активности. Делается вывод о необходимости расширения теоретической модели родительской медиации взаимодействия ребенка с электронными устройствами за счет характеристик, связанных с представлениями родителей о собственном ребенке и о цифровом пространстве в целом, переходу от понимания электронных устройств через дихотомию «блага или проклятия» к более комплексному представлению.

Ключевые слова: электронные устройства, дети-пользователи, младшие школьники, младшие подростки, родительская медиация, онлайн-риски

Введение

Электронные устройства (ЭУ) – смартфоны, планшеты, компьютеры – все плотнее встраиваются в жизнь современной семьи. Дети являются активными пользователями ЭУ, решая с их помощью широкий спектр задач, от обучения в онлайн-классах и изучения образовательных и карьерных ресурсов до заботы о собственном психическом здоровье и выстраивании социальных отношений [Sandhu, Barn, 2022]. Несмотря на адаптивный характер многих решаемых детьми в сети задач, часто пребывание ребенка онлайн вызывает у родителей беспокойство, связанное с чрезмерным экранным временем (количеством времени, проведенным за экраном электронного устройства) и сопряженными рисками.

Интернет-площадки становятся средами для социализации детей, соответственно, в задачи современных родителей входит сопровождение ребенка в освоении ЭУ. Во всем мире разрабатывается множество программ по подготовке юных пользователей к тому, чтобы стать «хорошими кибергражданами», использующими эффективные и безопасные цифровые среды для своей активности; параллельно развиваются программы для родителей, где их учат лучше понимать, что делают их дети онлайн и с какими рисками они могут столкнуться, если будут использовать цифровые среды несоответствующим образом [Fisk, 2014; Hani et al., 2020]. С одной стороны, обе стороны заинтересованы в безопасном и благополучном использовании интернета, с другой – нарастает конфликт между потребностью ребенка осваивать пространство и защищать границы своей частной жизни и желанием родителей контролировать детское поведение ради безопасности (так называемая «педагогика слежки» – «surveillance pedagogy» [Fisk, 2014]).

Согласно теории самодетерминации, потребность в автономии является одной из базовых психологических потребностей человека [Deci, Ryan, 2000]. Она актуализируется постепенно и выражается в нарастании активностей, которые может и хочет совершать ребенок в разных сферах жизни, в том числе в использовании ЭУ – например, искать информацию, общаться с другими людьми в социальных сетях, инициировать диалог со взрослыми о контенте [Kallio, Ruusuvuori, 2019; Sandhu, Barn, 2022]. К активностям постепенно добавляется способность осуществлять саморегуляцию – управление мыслями, эмоциями и поведением для достижения поставленных задач, а также отслеживание и изменение стратегий их до-

стижения, однако если данных навыков еще нет в силу возраста ребенка, регулирующую роль берут на себя родители, осуществляя социальную регуляцию его действий и целеполагания [Ахмеджанова, 2024]. Пребывание в онлайн-пространстве субъективно значимо для ребенка, так как позволяет узнать себя, сформировать свое «я» [Sandhu, Barn, 2022; Солдатова, Войскунский, 2021]. Дети могут воспринимать некоторые особенности пребывания в сети (например, кибербуллинг – травлю в интернете) как нормальные, избегать вовлечения взрослых и скрывать свою активность в сети от родителей, руководствуясь соображениями о приватности и собственной автономии [Goldstein, 2016; Young, Tully, 2019; Хломов и др., 2019].

У детей младшего школьного возраста расширяются навыки использования медиа в учебных и развлекательных целях по сравнению с детьми-дошкольниками [Nikken, Schols, 2015], и их родители сталкиваются с новыми вызовами в регуляции использования ЭУ, необходимых для обучения и внеклассных занятий ребенка [Lu et al., 2023]. При этом, по сравнению с родителями подростков, родители младших школьников более уверены в своей способности эффективно регулировать пребывание ребенка в сети [Nikken, Schols, 2015; Glatz et al., 2018].

Ключевым конструктом для описания действий родителей в контексте приобщения детей к взаимодействию с ЭУ является родительская медиация (посредничество): этот термин вошел в употребление между 1979 и 1989 гг. [Logan, Moody, 1979; Lin, Atkin, 1989], а его содержание видоизменялось с ходом технологического прогресса. Изначально основным содержанием исследовательской родительской медиации являлись телевидение и видеоигры; были выделены три стратегии медиации: 1 – активная, 2 – ограничивающая и 3 – совместное использование [Nathanson, 1998, 1999; Valkenburg et al., 1999; Clark, 2011; Sonck et al., 2013; Kallio, Ruusuvuori, 2019]. С распространением интернета к этому репертуару добавились еще две стратегии: 4 – мониторинг (просмотр онлайн-активности детей, посещение их страниц в социальных сетях) и 5 – применение инструментов технического контроля [Livingstone, Helsper, 2008; Wang et al., 2021].

Исследование, проведенное на российской выборке Н.Рудновой и коллегами, показывает, что российские родители чаще всего применяют вместе интенсивную активную медиацию и умеренную ограничивающую медиацию (авторы называют такое сочетание «разрешающая медиация») или

Таблица 1

Типы медиации

Тип медиации	Деятельность родителей
Активная медиация	Диалог, обсуждение контента, руководство по использованию устройств и сети, развитие критической позиции
Ограничивающая медиация	Ограничение экранного времени и контента, к которому ребенок имеет доступ
Совместное использование	Совместный просмотр телевидения, видеоигры вместе с ребенком
Мониторинг	Отслеживание сайтов, посещаемых ребенком, экранного времени, содержания публикаций ребенка
Технический контроль	Использование приложений и онлайн-платформ для ограничения доступа ребенка к определенным сайтам

используют слабую активную медиацию наряду с умеренной ограничивающей медиацией («избирательная медиация») [Rudnova et al., 2023].

Ограничивающая медиация и активная медиация обычно сдерживают проблемное поведение ребенка (например, отправку секстинг-сообщений [Corgoran et al., 2022]) и проблемное медиапотребление [Fam et al., 2023], а также положительно связаны с качеством детского сна [Bowers, Moyet, 2020]. Лонгитюдные данные показывают, что активная медиация предсказывает меньшее количество проблем с поведением с течением времени, а ограничивающая медиация ведет к уменьшению экранного времени детей [Yu et al., 2023]. В России в семьях, где родители мало используют ограничивающую медиацию, дети демонстрируют наибольшую склонность к зависимости от социальных сетей среди прочих групп, а дети, чьи родители мало используют активную медиацию, проводят больше всего времени за электронными устройствами, однако у них наблюдается низкая склонность к зависимости от социальных сетей [Rudnova et al., 2023]. Мониторинг использования и совместное использование ЭУ, хотя и рассматриваются исследователями как позитивные практики [Gabrielli et al., 2018], не показывают такой эффективности – в частности, они коррелируют с отправкой секстинг-сообщений и связаны с более высокими уровнями потребления медиа ребенком [Corgoran et al., 2022; Fam et al., 2023].

Отечественные исследования родительской медиации детского времяпрепровождения в ЭУ в основном сфокусированы на контроле экранного времени детей и осведомленности родителей о рисках и ответственности за регуляцию кибербуллинга (например, [Солдатова, Олькина, 2015]). Выделяются контентные, технические, коммуникационные и потребительские риски, а также риск

зависимости [Солдатова и др., 2017], однако они редко обсуждаются в контексте родительских опасений и практик; есть много свидетельств о том, что дети склонны утаивать свои сложные ситуации в интернете от родителей, и перспективным представляется взгляд на интернет-риски детей через призму родительских представлений об уязвимостях и сильных сторонах своих детей.

Воспринимаемые родителями риски детей в контексте использования ЭУ описаны в работе Курганского и коллег [Курганский и др., 2023]: это аддикция, отвлечение от учебы, гиподинамия, ухудшение зрения, раздражительность, тревожность, боли в шее и кистях рук, плохой сон, сокращение общения с друзьями. Восприятие родителями контента играет роль в том, как они осуществляют активную медиацию поведения ребенка [Клименко, Савенышева, 2020], а воспринимаемое поведение ребенка и его навыки использования ЭУ связаны с практиками родительской медиации. Если у ребенка нет зависимости от сетей и мало экранного времени, то родителями чаще применяется активная медиация экранного времени, а если ребенок воспринимается как зависимый и имеющий сложности с регуляцией экранного времени, родители практикуют запреты и ограничения [Руднова и др., 2023].

Если родители относятся к контенту как к безопасному и способствующему обучению, они чаще всего применяют мониторинг, совместное использование ЭУ и активную медиацию. Если контент воспринимается как нейтральный (такой, который занимает и успокаивает ребенка), родители предпочитают ограничивающую медиацию, и, если они видят ЭУ как слишком сложные для ребенка – редко обсуждают контент и необходимые навыки и редко совместно пользуются устройствами. В случае восприятия контента как вредоносного,

родители чаще следят, контролируют и ограничивают, в том числе технически, активность ребенка в интернете [Nikken, Schols, 2015].

В упоминаемых работах чаще всего речь идет о воспринимаемых рисках и поведенческих практиках родителей, однако редко обсуждаются эмоции родителей, связанные с экранной активностью их детей, и то, как именно воспринимаются родителями собственно дети, пользующиеся ЭУ. Так называемая «моральная паника» [Коэн, 2022] – острое общественное беспокойство в связи с определенным явлением, переживание его как угрозы социальному порядку и моральным устоям – в настоящее время наиболее интенсивно изучается в контексте онлайн-поведения молодежи [Михайлова, 2020]. При этом переживания родителей в связи с рисками, которым подвергается ребенок в сети, можно рассматривать, в том числе, как отражение моральной паники, а действия по контролю и ограничению детской интернет-активности – как способы справиться с этими переживаниями, однако субъективные переживания родителя об уязвимости ребенка могут быть обоснованы не страхом, а другими эмоциями, и изучение роли моральной паники в контексте родительской медиации представляется перспективным.

Исследовательские вопросы, ответы на которые мы ищем в данной статье, опираясь на теорию базовых психологических потребностей в рамках теории самодетерминации и концепцию родительской медиации и «моральной паники», таковы:

- 1) Какие практики родительской медиации используют современные российские родители и как обосновывают их применение?
- 2) Отличаются ли используемые практики у родителей младших школьников и младших подростков?

Мы предполагаем, что взгляды родителей на контент и риски, с которыми сталкиваются дети, используя ЭУ, неодинаковы, и важную роль играет то, как родители видят проявление автономии своего ребенка и в целом его сильные стороны и уязвимости.

Процедура и методика исследования

Выборка

Было проведено 24 полуструктурированных интервью с 16 матерями и 8 отцами. 15 из них имели двух и более детей младшего школьного и подросткового возраста. Таких родителей просили

выбрать для дальнейшего обсуждения только одного ребенка. 12 родителей описали опыт взаимодействия с детьми младшего школьного возраста, 12 – с младшими подростками. 10 информантов проживали в городах-миллионниках (Москва, Санкт-Петербург, Челябинск), 11 – в крупных городах с населением от 100 000 до 1 000 000 человек (Иркутск, Южно-Сахалинск, Саратов), 3 – в малых городах или сельской местности (Феодосия, Курганская область, Ростовская область, Московская область). В выборку попали родители, которые ежедневно взаимодействовали с детьми, почти все имели высшее образование, все были трудоустроены и имели среднюю материальную обеспеченность.

Методы и процедура

Для набора информантов через социальные сети и личные контакты студентов, проходящих практику в исследовательском центре, была распространена онлайн-анкета. В ней родителей приглашали на интервью, просили указать возраст ребенка и контакты для связи. Затем был сформирован список согласившихся, и для интервью были отобраны только те родители, которые соответствовали целевым критериям: наличие ребенка младшего школьного или младшего подросткового возраста. Мы постарались включить в исследование и отцов, и матерей, пытаюсь компенсировать расхождения в стратегиях медиации [Hughes et al., 2018; Yaffe, 2020].

В гайд интервью вошли блоки вопросов о представлениях родителей об автономии ребенка, о практиках ее поддержки и ограничения в различных областях жизни (быт, досуг, взаимодействие с ЭУ, учеба, общение), а также о детском опыте родителя. В анализ были включены ответы из блока практик поддержки и ограничения автономии ребенка в сфере взаимодействия с ЭУ. После интервьюирования транскрибация проводилась независимым лицом, не входящим в исследовательскую команду.

Для поиска ответов на исследовательские вопросы использовался индуктивный тематический анализ [Braun, Clarke, 2006] интервью, который позволяет выявлять и интерпретировать закономерности в текстовом массиве данных и часто приводит к новому взгляду на феномен [Naem et al., 2023], что и требовалось в рамках исследования. Для ответа на второй вопрос применен также дедуктивный тематический анализ [Fereday, Muir-Cochrane, 2006] с применением типологии практик родительской медиации. Его выбор был обусловлен необходимостью сохранить исходную теоретическую типологию при анализе различий в ответах родителей.

Таблица 2

Четыре образа ребенка, демонстрируемые родителями в контексте детского поведения и собственной тревоги (в скобках указано количество информантов-родителей, попавших в данную категорию)

	Родительская тревога невысока	Родительская тревога высока, присутствуют отголоски моральной паники
Активность ребенка	<p>«Автономный ребенок» (14)</p> <p>Автономно взаимодействует с ЭУ, способен идти на компромисс со взрослым, следовать правилам и понимать их, а также иногда обходить их.</p> <p>Уязвимости ребенка: связаны с физическим здоровьем (осанка, зрение), психологическим благополучием (впечатлительность, увлекаемость), трудностями регуляции поведения (распределение времени на учебу и сон).</p> <p>Описание не сопровождалось какими-либо выраженными эмоциями.</p>	<p>«Импульсивный ребенок» (3)</p> <p>Неразборчив и импульсивен во взаимодействии с ЭУ, непослушен, умеет обходить запреты, несамостоятелен.</p> <p>Уязвимости ребенка: восприимчивость к контенту и ведомость.</p> <p>Описание сопровождалось тревогой, гневом, отвращением, переживанием за личные границы ребенка.</p>
Послушание ребенка	<p>«Регулируемый ребенок» (3)</p> <p>Неспособен самостоятельно регулировать свое поведение, некомпетентен в вопросах взаимодействия с ЭУ, нуждается в контроле.</p> <p>Уязвимость: психологическое благополучие и трудности поведения (капризность, перевозбуждение, сенсорная перегрузка), ребенок воспринимается как пока не способный самостоятельно регулировать свое экранное время и поведение в контексте использования ЭУ.</p> <p>Описание не сопровождалось какими-либо выраженными эмоциями.</p>	<p>«Внушаемый ребенок» (4)</p> <p>Внушаемый, конформный, неустойчивый.</p> <p>Уязвимость: восприимчивость к контенту и ведомость, психологическое здоровье и трудности поведения (агрессивность, избыточная энергичность, впечатлительность).</p> <p>Описание сопровождалось острой тревогой.</p>

Результаты исследования

Анализ транскрибированных интервью позволил нам выделить четыре образа ребенка, которые описывали родители, и для каждого образа – соответствующие эмоции, характер уязвимости и тип медиации.

«Автономный ребенок». Самой широко представленной группой родителей ребенок воспринимается как проактивный и инициативный во взаимодействии с электронными устройствами (7), способный при этом часто следовать родительским ограничениям (5) и иногда сопротивляться им (3).

«Его компьютерные игры еще поглощают полностью. Когда он садится, он может долго за ними просидеть, но если у него не сделаны уроки, он сначала сделает уроки, а потом сядет за компьютерные игры. Это вот стабильно» (мать младшего школьника, 39 лет, Челябинск).

«Была такая ситуация, спокойной ночи, всех поцеловали, двери закрыли, у детей разные комнаты, ушла в свою комнату. Потом, может, час ночи, я иду и вижу - свет горит. Свет от телефона, под дверями видно. Захожу, телефон убран, ребенок

типа спит» (мать младшего подростка, 45 лет, Курганская область).

Описываемые родителями уязвимости ребенка при взаимодействии с ЭУ включали ущерб физическому здоровью (осанка (1), зрение (3)) и трудности с регуляцией (распределение времени на учебу и сон (4)), что определялось как обоснование для практик медиации. При упоминании практик медиации родители говорили об открытости к диалогу с ребенком и сохранении доверия в отношениях с ним. Несмотря на восприятие неограниченного экранного времени как негативно воздействующего на здоровье ребенка, при описании этих процессов эмоции информантов включали слабое недовольство, принятие, понимание. Они рассматривали электронные инструменты (телефоны, планшеты, компьютеры) как то, что может быть интегрировано в жизнь ребенка, а онлайн-пространство описывали не только как обладающее неподобающей по возрастному цензу информацией, но и как среду, предоставляющую возможности для обучения и развития.

«Со зрением проблемы, мы просто просим, чтобы она сидела не более 2 часов. И мы периодически смотрим экранное время, просто ну потому что зрение портится. (...) Ну, если бы, допустим, не было бы проблем со зрением, мы бы тоже, скорее всего, это все сильно не контролировали. Потому что, в принципе, она не просто какой-то там развлекательный контент смотрит, а она танец какой-то может учить, либо изучение языков» (отец младшего подростка, 32 года, Феодосия-Москва).

Родители этой группы предоставляли ребенку автономию в использовании техники и просмотра контента. Поясняли последствия содержимого, внедряли запреты и ограничения, однако могли быть непоследовательны в их предоставлении (причины: уговоры ребенка, расхождение в воспитательных стратегиях родителей, нехватка времени и сил контролировать). Упоминали нечастое использование технического контроля и слежения за активностью ребенка в сети, при этом могли вовлекаться в совместное использование электронных устройств с ребенком.

«Вот ребенок у нас проявлял инициативу, подбивал родителей: “А давайте, вы мне купите приставку? Я буду и уроки делать, и в приставку играть, и это все не повлияет одно на другое”. Но я же понимал, что это не так. Мы захотели провести эксперимент. Мы купили приставку, и мы увидели, что у ребенка появилось новая отду-

шина. Он туда улетел с головой. ... Ну, пришлось ограничить доступ к приставке. И вот ребенок какое-то время пострадал, потом все вернулось в норму, и уроки он начал делать, и гонять на своей приставке» (отец младшего подростка, 39 лет, Южно-Сахалинск).

«Регулируемый ребенок». Родители этой группы описывали, что в значительной мере контролировали поведение ребенка в сети и его взаимодействие с электронными инструментами, в то время как ребенок не предпринимал активных попыток сопротивляться ограничениям (3). Описание не сопровождалось тревогой. Ребенок виделся как уязвимый по психологическому здоровью от взаимодействия с ЭУ (3) («капризность», «перевозбуждается», «перегружает восприятие»), при этом имелось четкое представление о том, что ребенок пока не может самостоятельно регулировать свое поведение в сети (3).

«Время, конечно, они должны проводить там меньше. Раньше она умудрялась больше этого делать, когда вот меньше кружков было, и это сказывалось на поведении. То есть сразу капризность, если засиделась больше часа, то все. Ребенок перевозбуждается» (мать младшего школьника, 43 года, Саратов).

Родители этой группы по сравнению с другими делали большой упор на технический контроль и вовлекали ребенка в иные активности, чтобы отвлечь его от пребывания в сети. Они в равной степени описывали использование активной и ограничивающей медиации, при этом запреты носили четкий и иногда ультимативный характер. В их воспитании присутствовали последовательные наказания-санкции за превышение допустимого экранного времени.

«У нас есть ограничение, оно установлено с помощью приложения на смартфоны детей, это раз. Во-вторых, они знают, мы смотрели много материала, и был такой фильм, Social Dilemma про соцсети, мы этот фильм смотрели с детьми и разбирали, что там к чему. И они знают, как влияет неконтролируемое потребление контента на их самочувствие, на все. ... Они согласны с тем, что есть внешняя рамка контроля. Вот так это в нашей семье заведено. У них час [экранный времени]. В день, с 8:00 утра то ли 10:00, то ли 11:00 вечера. Все, потом доступ закрывается» (мать младшего подростка, 48 лет, Москва).

«Импульсивный ребенок». Ребенок воспринимался как проактивный во взаимодействии с контентом (3), способный обходить родительские

ограничения (1), однако неразборчивый, непослушный и ведомый (3). Контент описывался в пренебрежительном ключе («трешак», «дрянь», «где как макака нажимаешь на кнопку», «пропаганда», «ужас всякий»), уязвимость ребенка определялась доверием к информации и вероятностью при столкновении с ней повторить нежелательное поведение (3). Реакция родителей – острое недовольство, раздражение, страх, недоверие и отвращение.

«Ну, а по времени, гаджет с телефоном мы зарубили, для игр, то есть телефон – это звонилка, искалка и переводилка. Потому что на телефоне прямо трэш откровенный. То есть дело даже не в том, что надо контролировать, это просто по-мойка абсолютная. (...) Он сначала играл в хорошие игры, а потом в трэшак, до которого дотянулся. Вот. Что дотянулся, я его похвалил, а что в трэшак, я сказал, что слушай, давай-ка я здесь за тебя решение приму» (отец младшего школьника, 35 лет, Москва).

Родители этого профиля внедряли запреты и объясняли риски и ограничения в равной степени, но могли быть непоследовательны в их применении и ощущать свою неуверенность в этом вопросе (описываемые причины: понимание того, что сами взаимодействуют с ЭУ, оттого ощущение неправомерности ограничений; отсутствие партнера, который может помочь в контроле). Они описывали слежение за проведенным временем ребенка в сети и характером потребляемого контента. Некоторые высказывания дополнялись переживаниями о том, что мониторинг нарушает личное пространство ребенка.

«Она может увидеть, может быть какое-то содержание там для взрослых, например. Или какую-то пропаганду, например, наркотиков, не дай бог, там еще что-то. Какие-то эротические сцены или сцены насилия. Нужно как-то контролировать. Что касается соцсетей, я пока не знаю, я не могу тоже так на ней сидеть, потому что это немножко нарушает ее личные границы, с одной стороны. Ну, в общем такая ситуация, непростая» (мать младшего подростка, 35 лет, Санкт-Петербург).

«Внушаемый ребенок». Последней группой родителей ребенок описывался как внушаемый, конформный и уязвимый перед угрозами в сети (4), послушный и не сопротивляющийся правилам родителей (4). Ребенок либо не желал расширить свою автономию в сети (пассивный и впечатлительный) (3), либо после некоторого со-

противления соглашается с требованиями родителя (внушаемый) (1). Свобода ребенка в интернете воспринималась как то, что нуждается в регулировании, строгом контроле. Практики медиации связывались с восприимчивостью ребенка к контенту, ведомостью (4), а также уязвимостью в плане психологического здоровья (агрессивность, избыточная энергичность, впечатлительность) (2). Описание контента формулировалось терминами, транслирующими страх перед внушением и манипулированием детским сознанием («дичь», «жесть», «внушают») (4). Описание поведения ребенка в сети сопровождалось тревогой, встречались упоминания того, что автономия ребенка в сети возрастет в будущем.

«Я считаю, что это очень рано еще ребенку [вести социальные сети], потому что я думаю, что она не будет готова к тому, что там будет в плане безопасности, вылаживание своих каких-то личных данных, даже геолокация. Или не будет пока готова разобраться, если кто-то пишет какие-то сообщения. Я думаю, что это просто я не готова скорее всего, а не ребенок... Но она и не просит» (мать младшего школьника, 36 лет, Иркутск).

В поведении родителей этого профиля превалировала ограничивающая медиация. Присутствовали наказания, направленные на достижение послушания ребенка и регулирование его эмоционального состояния, технический контроль, мониторинг и вовлечение ребенка в иные активности.

«А на телефоне стоит родительская защита, где там у папы, он смотрит, куда она заходит, и ограничения нахождения в интернете. То есть у нас телефон, например, в 7 вечера, все, заблокировался и все (...) Мне кажется, что если бы ребенок не ходил [на секции], то в основном он бы сидел в телефоне» (мать младшего школьника, 36 лет, Иркутск).

Большинство родителей-информантов воспринимали детей как нуждающихся в социальной регуляции экранного времени и онлайн-активности. Лишь в трех случаях родителями описывалась саморегуляция ребенка – способность самостоятельно распределять время на учебу, сон и времяпрепровождение в электронных устройствах (2 младших школьника и 1 младший подросток). При этом время от времени родителю все же приходилось сопровождать ребенка в овладении собственным поведением.

Распределение родителей по группам показывает преобладание родителей младших подростков в

группе «Автономный ребенок» и родителей младших школьников в группе «Ведомый ребенок».

Используемые родителями младших школьников и младших подростков практики медиации

Родители детей обоих возрастов чаще иных категорий медиации упоминали ограничивающую (18) и активную медиацию (20) взаимодействия ребенка с электронными инструментами. Родителями младших школьников чаще упоминались запреты и ограничения, в то время как родители младших подростков чаще рассказывали об активной медиации, что соотносится с тем, как родители распределялись по группам воспринимаемых уязвимостей ребенка.

В ограничивающей медиации удалось выявить несколько кодов (единиц анализа) – как более известных (установление запретов и ограничений, технический контроль), так и менее обсуждаемых в научном поле (наказание и вовлечение в иные активности для того, чтобы отвлечь ребенка от проведения времени с электронными устройствами). Данные коды не отличались по частоте упоминания родителями обеих групп, кроме вовлечения в иные активности, которое было представлено только среди родителей младших школьников.

«Ребенок должен быть загружен и занят. Она большую часть времени проводит в школе, а потом у нее еще идут кружки какие-то дополнительные. Вот она сегодня домой придет в 21:30. Сколько она сможет посидеть в гаджете? Хорошо если минут 30» (мать младшего школьника, 43 года, Саратов).

Совместное использование являлось самой редкой из упоминаемых родителями практик и встречалось только среди родителей младших школьников (2). Во всех описываемых случаях совместное использование сопровождалось активной медиацией – обсуждением контента.

«Если я вижу, что он играет во что-то 18+, то я стараюсь просто рядом быть и объяснять какие-то моменты» (отец младшего школьника, 39 лет, Москва).

В описании медиации удалось выявить условия ее осуществления: родителями обеих групп детей упоминалась непоследовательность ограничений и распределение ролей между членами семьи в регуляции поведения ребенка.

Непоследовательность ограничений выражалась в трудностях реализации практик медиации: нехват-

ке сил, времени, заботе о других детях, трудностях в использовании приложений мониторинга, сопротивляемости детей и забывчивости родителя. Она сопровождалась ограничивающей медиацией со стороны родителя, и в трех описаниях к этому добавлялись активные стратегии.

«Но иногда да, проще сказать, ладно, на тебе еще чуть-чуть, поиграй, потому что есть какие-то там свои дела, есть другой, маленький ребенок, которому тоже как бы требуется внимание» (мать младшего школьника, 36 лет, сельская местность, Ростовская область).

Распределение ролей в стратегиях медиации могло происходить между родителем и другим родителем, а также между родителем и более старшим ребенком, в случае если у родителя нет супруга или иного сопутствующего взрослого, готового разделить обязанности. Это может быть как ресурсом поддержки для родителя, так и источником тревоги и невыполнения родительских обязанностей.

«Я если и могу забыть, папа точно не забудет. И сам [сын] тоже помнит, иногда он честно признается – мама, но ведь было же нельзя» (мать младшего школьника, 37 лет, Москва).

«Тут я распишусь в своем провале. У меня на это не хватает ни времени, ни моральных сил. У меня старший очень адекватный и ответственный сын, и я плавно на него все переложила. Он за них беспокоится, подходит и говорит: “Мама, они там какую-то фигню смотрят, ... ты плохая мама, почему ты так плохо смотришь?”» (мать младшего подростка, 41 год, Казань).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило выявить четыре образа детей младшего школьного и младшего подросткового возраста в соответствии с восприятием уязвимостей и поведения детей и используемых практик медиации. «Автономный ребенок», которому дозволена свобода во взаимодействии с ЭУ, которого сопровождают больше, чем ограничивают, и его чрезмерное пребывание в устройствах может стать причиной возникновения проблем со здоровьем. «Регулируемый ребенок» – послушный, ему не позволяют свободно использовать электронные устройства, применяют строгий контроль и надзор, объясняя запреты; при избыточном взаимодействии с ЭУ ребенок описывается как капризный, перевозбуждающийся. «Импульсивный ребенок» – неразборчивый, непослушный, ведомый и не способный проти-

востоять опасностям контента, нуждающийся в слежке, запретах и объяснениях. «Внушаемый ребенок» – жертва контента, способный стать агрессивным и впечатлительным от взаимодействия с ЭУ; его необходимо контролировать, следить за его поведением и вовлекать в иные активности, чтобы отстранить от использования электронных инструментов.

Ответы по первым двум образам ребенка не были эмоционально насыщены, в то время как при описании уязвимостей «Импульсивного ребенка» и «Внушаемого ребенка» родители использовали эмоционально окрашенные выражения, транслирующие тревогу, презрение и раздражение к контенту, что соотносится с концепцией моральной паники [Коэн, 2022]. При этом описываемое беспокойство могло касаться разных аспектов функционирования ребенка: физическое и психологическое здоровье, поведенческие трудности. В контексте родительской медиации риски, связанные с использованием ЭУ [Солдатова и др., 2013], воспринимаются в совокупности с представлением о реакции собственного ребенка на них, но далеко не всегда сопровождаются страхом и гневом. Таким образом, можно сомневаться в присутствии «моральной паники» как универсального феномена, сопровождающего практики родительской медиации.

Полученные образы ребенка соотносятся с кластерами, выделяемыми количественными исследованиями по типу сочетания практик активной и ограничивающей медиации, но при этом позволяют по-иному взглянуть на родителей-акторов медиации экранного времени детей. В интервью самым насыщенным оказался образ «Автономный ребенок», которому свойственны такие же характеристики медиации родителя как в «разрешающей медиации» [Rudnova et al., 2023].

Родители младших подростков чаще описывали детей как «автономных» и чаще упоминали стратегии активной медиации, чем родители младших школьников, которые чаще характеризовали детей как «внушаемых» и в большей степени контролировали и запрещали, чем рассказывали о содержании контента и ограничениях. Это соотносится с нарастанием саморегуляции от младшего школьного к младшему подростковому возрасту и снижением тревоги родителя о пребывании ребенка в сети. Несмотря на это, родители в целом не характеризовали своих детей как обладающих навыками саморегуляции, достаточными для безопасного использования интернета и ЭУ.

Помимо запретов и ограничений, в ограничивающей медиации также удалось выявить как более обсуждаемые практики (технический контроль), так и менее заметные в научном поле – наказание [Клопотова и др., 2022] и вовлечение в иные, альтернативные использованию ЭУ, активности [Янак, 2021]. Очевидно, это указывает на то, что, во-первых, практики медиации могут быть не только предупреждающими, но и санкционными, и, во-вторых, в регуляции использования ЭУ ребенком родитель может применять общие неситуативные практики – формировать внеучебную активность ребенка таким образом, чтобы отвлечь от использования ЭУ. Родитель, осуществляющий медиацию, оказывается не только в непосредственном поле ребенка, но и за его пределами – медиация как совокупность практик оказывается гораздо шире непосредственной регуляции взаимодействия ребенка с электронными устройствами и затрагивает (оказывается включенной в) иные сферы родительского воспитания.

Удалось выявить условия реализации медиации, которые стоит учитывать при ее изучении в дальнейшем – непоследовательность предъявляемых родителем правил и распределение ролей в семье. Транслирование последовательных правил в семье оказывается важным звеном в обеспечении академической мотивации детей и их саморегуляции в обучении [Farooq, Asim, 2020]. Соответственно, последовательность стратегий родительской медиации в отношении использования ЭУ детьми может быть связана с лучшей саморегуляцией ребенка в этой области. В свою очередь, распределение ролей в семье и договоренность с супругами и остальными детьми может быть ресурсом поддержки для родителя или источником тревоги о несоблюдении своей роли как ответственного взрослого и опосредовать практики медиации детского экранного времени.

Совместное использование являлось самой редко упоминаемой практикой родительской медиации, но во всех описанных случаях сопровождалось активной медиацией. Вероятно, проведение совместного времени в сети с младшим школьником или младшим подростком может быть не столь интересно родителям в связи с различием в потребляемом контенте. Электронные устройства могут также использоваться родителями как способ занять, отвлечь ребенка, освободить время для собственных дел [Янак, Шорыгин, 2019].

Заключение

Удалось выявить четыре образа ребенка, взаимодействующего с ЭУ, в представлении родителей. Ребенок в интервью предстает как характеризующийся, во-первых, высокой уязвимостью (звучат опасения за зрение, осанку, режим сна и здоровый образ жизни в целом, а также за психическое здоровье перед лицом вредоносного контента), а во-вторых, как испытывающий дефицит навыков саморегуляции, в силу которого он не может контролировать свою онлайн-активность самостоятельно.

Полученные данные позволяют выделить новые потенциальные факторы родительской медиации – не только количество времени ребенка в сети, но также (1) восприятие родителем характера уязвимости ребенка от контента, (2) способность ребенка быть проактивным в сети, (3) способность ребенка противостоять родительским ограничениям и (4) эмоции родителя. Вероятно, при построении теоретической модели родительской медиации взаимодействия ребенка с ЭУ стоит учитывать больше характеристик, связанных с представлениями родителей о собственном ребенке и о ЭУ в целом.

Ограничения работы – небольшая выборка и высокий уровень образования родителей. Напрямую не измерялась цифровая грамотность информантов, а также их навыки саморегуляции при взаимодействии с цифровыми инструментами. В качестве перспектив исследования можно обозначить проведение количественного опроса на репрезентативной выборке о родительских практиках и эмоциях, сопровождающих медиацию, а также о воспринимаемых характеристиках детей, взаимодействующих с ЭУ. Перспективным видится расширение дискурса о родительской медиации в направлении позитивного использования детьми интернета, переход от дихотомии «интернет как благо или проклятие» в сторону более сложного и комплексного представления о восприятии родителями пользовательской активности детей, а также изучение роли практик контроля и мониторинга в контексте динамики детско-родительских отношений в ходе взросления ребенка.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект No 22-18-00416.

Литература

- Ахмеджанова Д.Р. Роль социальной и самостоятельной регуляции обучения в школьном возрасте. Вопросы образования, 2024, No. 1, 11–43. DOI:10.17323/vo-2024-17280
- Клименко В.К., Савеньшева С.С. Электронные устройства и ребенок: опосредующая роль родителей (по материалам зарубежных исследований). Мир науки. Педагогика и психология, 2020, 8(4), 40.
- Коэн С. [Cohen S.] Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров. М.: Высшая школа экономики, 2022. DOI:10.17323/978-5-7598-2341-4
- Курганский А.М., Гурьянова М.П., Храмцов П.И. Медицинские и социально-педагогические риски использования детьми младшего школьного возраста цифровых устройств: эмпирическое исследование. Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика, 2023, 20(3), 501–525. DOI:10.22363/2313-1683-2023-20-3-501-525
- Михайлова О.Р. Кто использует понятие моральной паники? Библиометрический анализ научных публикаций. Социологическое обозрение, 2020, 19(3), 351–375. DOI:10.17323/1728-192x-2020-3-351-375
- Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 18(3), 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
- Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет, 2013.
- Солдатова Г.У., Олькина О.И. Отношение к приватности и защита персональных данных: вопросы безопасности российских детей и подростков. Национальный психологический журнал, 2015, 3(19), 56–66. DOI:10.11621/npj.2015.0300
- Солдатова Г.У., Чигарькова С., Львова Е.Н. Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области. Эпоха науки, 2017, No. 12, 103–109.
- Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков. Психология и право, 2019, 9(2), 276–295. DOI:10.17759/psylaw.2019090219
- Янак А.Л. Дети и родители в информационном пространстве: взаимодействие, риски и стратегии обеспечения безопасности. Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология, 2021, 21(1), 64–71. DOI:10.18500/1818-9601-2021-21-1-64-71
- Янак А.Л., Шорыгин Е.А. Траектории гаджетизации детско-родительских отношений: основные модели. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки, 2019, 3(55), 141–148.

- Bowers J.M., Moyer A. Adolescent sleep and technology-use rules: Results from the California Health Interview Survey. *Sleep Health*, 2020, 6(1), 19–22. DOI:10.1016/j.sleh.2019.08.011
- Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 2006, 3(2), 77–101. DOI:10.1191/1478088706qp063oa
- Clark L.S. Parental mediation theory for the digital age. *Communication Theory*, 2011, 21(4), 323–343. DOI:10.1111/j.1468-2885.2011.01391.x
- Corcoran E., Doty J., Wisniewski P., Gabrielli J. Youth sexting and associations with parental media mediation. *Computers in Human Behavior*, 2022, 132, 107263. DOI:10.1016/j.chb.2022.107263
- Deci E.L., Ryan R.M. The “What” and “Why” of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior. *Psychological Inquiry*, 2000, 11(4), 227–268. DOI:10.1207/S15327965PLI1104_01
- Fam J.Y., Männikkö N., Juhari R., Kääriäinen M. Is parental mediation negatively associated with problematic media use among children and adolescents? A systematic review and meta-analysis. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue Canadienne Des Sciences Du Comportement*, 2023, 55(2), 89–99. DOI:10.1037/cbs0000320
- Farooq M.S., Asim I. Parental Involvement as Predictor for Self-regulated Learning and Academic Achievement of Students at Secondary School Level. *Journal of Educational Sciences & Research*, 2020, 7(1), 1-14.
- Fereday J., Muir-Cochrane E. Demonstrating Rigor Using Thematic Analysis: A Hybrid Approach of Inductive and Deductive Coding and Theme Development. *International Journal of Qualitative Methods*, 2006, 5(1), 80–92. DOI:10.1177/160940690600500107
- Fisk N. “...when no one is hearing them swear” - Youth Safety and the Pedagogy of Surveillance. *Surveillance & Society*, 2014, 12(4). DOI:10.24908/ss.v12i4.5059
- Gabrielli J., Marsch L., Tanski S. TECH Parenting to Promote Effective Media Management. *Pediatrics*, 2018, 142(1), e20173718. DOI:10.1542/peds.2017-3718
- Glatz T., Crowe E., Buchanan C.M. Internet-specific parental self-efficacy: Developmental differences and links to Internet-specific mediation. *Computers in Human Behavior*, 2018, 84, 8–17. DOI:10.1016/j.chb.2018.02.014
- Goldstein S.E. Adolescents’ Disclosure and Secrecy About Peer Behavior: Links with Cyber Aggression, Relational Aggression, and Overt Aggression. *Journal of Child and Family Studies*, 2016, 25(5), 1430–1440. DOI:10.1007/s10826-015-0340-2
- Hani U., Sonhaji S., Anggraini C.N. Media digital literacy program in improving parental mediation efficacy with community nursing approach. *STRADA Jurnal Ilmiah Kesehatan*, 2020, 9(2), 1779–1787. DOI:10.30994/sjik.v9i2.522
- Kallio A., Ruusuvoori J. Finnish children’s questions while watching television with parents. *Journal of Children and Media*, 2019, 13(2), 127–148. DOI:10.1080/17482798.2018.1552882
- Lin C.A., Atkin D.J. Parental mediation and rulemaking for adolescent use of television and VCRs. *Journal of Broadcasting and Electronic Media*, 1989, 33, 53–67. DOI:10.1080/08838158909364061
- Livingstone S., Helsper E. Parental Mediation of Children’s Internet Use. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 2008, 52, 581–599. DOI:10.1080/08838150802437396
- Logan B., Moody K. (Eds.). *Television awareness training: The viewer’s guide for family and community*. New York: Media Action Research Center, 1979.
- Lu J., Zhang M., Yuan M. Parenting and parent-child home practice during the COVID-19 pandemic: a case in central China. *Scientific Reports*, 2023, 13(1), 18655. DOI:10.1038/s41598-023-45726-8
- Naeem M., Ozuem W., Howell K., Ranfagni S. A Step-by-Step Process of Thematic Analysis to Develop a Conceptual Model in Qualitative Research. *International Journal of Qualitative Methods*, 2023, 22, DOI:10.1177/1609406923120578
- Nikken P., Schols M. How and Why Parents Guide the Media Use of Young Children. *Journal of Child and Family Studies*, 2015, 24(11), 3423–3435. DOI:10.1007/s10826-015-0144-4
- Rudnova N., Kornienko D., Semenov Y., Egorov V. Characteristics of Parental Digital Mediation: Predictors, Strategies, and Differences among Children Experiencing Various Parental Mediation Strategies. *Education Sciences*, 2023, 13(1), 1-14. DOI:10.3390/educsci13010057
- Sandhu D., Barn R. “The Internet Is Keeping Me from Dying from Boredom”: Understanding the Management and Social Construction of the Self Through Middle-Class Indian Children’s Engagement with Digital Technologies During the COVID-19 Lockdown. *International Journal on Child Maltreatment: Research, Policy and Practice*, 2022, 6, 489–504. DOI:10.1007/s42448-022-00135-8
- Sonck N., Nikken P., Haan J. Determinants of Internet Mediation: A comparison of the reports by Dutch parents and children. *Journal of Children and Media*, 2013, 7, 96–113. DOI:10.1080/17482798.2012.739806
- Wang G., Zhao J., Van Kleek M., Shadbolt N. Protection or Punishment? Relating the Design Space of Parental Control Apps and Perceptions about Them to Support Parenting for Online Safety. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 2021, 5(CSCW2), 343:1–343:26. DOI:10.1145/3476084
- Young R., Tully M. ‘Nobody wants the parents involved’: Social norms in parent and adolescent responses to cyberbullying. *Journal of Youth Studies*, 2019, 22(6), 856–872. DOI:10.1080/13676261.2018.1546838
- Yu J., Xu C., Wu Z. The emerging techno-microsystem and its longitudinal influences on Chinese young children’s behavior problems. *Applied Developmental Science*, 2023, 1–13. DOI:10.1080/10888691.2023.2281326

Поступила в редакцию: 1 ноября 2024 г.

Дата публикации: 20 марта 2025 г.

Сведения об авторах

Цыганова Екатерина Михайловна. Стажер-исследователь Центра исследований современного детства Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Потаповский пер., д. 16, стр. 10, 101000 Москва, Россия.

E-mail: etsyganova@hse.ru

Бочавер Александра Алексеевна. Кандидат психологических наук, доцент Департамента образовательных программ Института образования, директор Центра исследований современного детства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Потаповский пер., д. 16, стр. 10, 101000 Москва, Россия.

E-mail: abochaver@hse.ru

Нисская Анастасия Константиновна. Кандидат психологических наук, профессор, доцент Департамента образовательных программ Института образования, научный сотрудник Центра исследований современного детства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Потаповский пер., д. 16, стр. 10, 101000 Москва, Россия.

E-mail: anastasiya-nisskaya@yandex.ru

Ссылка для цитирования

Цыганова Е.М., Бочавер А.А., Нисская А.К. Образ ребенка-пользователя глазами родителей младших школьников и младших подростков: качественное исследование. Психологические исследования. 2024. Т. 17, № 98. С. 7. URL: <https://psystudy.ru>

Адрес статьи:

<https://doi.org/10.54359/ps.v17i98.1716>

Child-user image in the perspective of parents of primary school children and early adolescents: a qualitative study

Tsyganova E.M.¹, Bochaver A.A.¹, Nisskaya A.K.¹

¹ HSE University, Moscow, Russia

Digital technologies and social networks are becoming increasingly embedded in modern family life. Among parents' responsibilities is introducing their children to the online environment, teaching them internet safety, and providing initial guidance in their digital activities. To examine parental mediation strategies and related parental perceptions, 24 semi-structured interviews were conducted with a sample of Russian parents of elementary school children and early adolescents. The interviews covered the topics of children's autonomy in the use of electronic devices, as well as practices of its support and control among modern parents. Based on how parents perceive their children's behavior and vulnerabilities, types of 'child image' were identified. Parents take various child-specific vulnerabilities into account when implementing digital mediation practices, which differ depending on the child's age. Concerns related to «moral panic» over children's internet immersion were minimally reflected in parents' statements. Empirical analysis identified theoretically grounded types of parental mediation in children's use of electronic devices, including active mediation, restrictive mediation, co-use, monitoring, and technical control. Additionally, punishment-based mediation and encouraging alternative offline activities were described as further mediation strategies. The study concludes that theoretical models of parental mediation in children's interactions with digital devices should be expanded to incorporate parental perceptions of both their children and the digital space as a whole. This includes moving beyond the dichotomous view of electronic devices as either «good or bad» toward a more nuanced and comprehensive perspective.

Keywords: electronic devices, children users, younger students, younger adolescents, parental mediation, online risks

Funding

The study was supported by the Russian Scientific Foundation, project No 22-18-00416.

References

- Ahmedzhanova D.R. Rol' social'noj i samostojatel'noj reguljacji obuchenija v shkol'nom vozraste. *Voprosy obrazovanija*, 2024, No. 1, 11–43. (in Russian) DOI:10.17323/vo-2024-17280
- Bowers J.M., Moyer A. Adolescent sleep and technology-use rules: Results from the California Health Interview Survey. *Sleep Health*, 2020, 6(1), 19–22. DOI:10.1016/j.sleh.2019.08.011
- Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*, 2006, 3(2), 77–101. DOI:10.1191/1478088706qp063oa
- Clark L.S. Parental mediation theory for the digital age. *Communication Theory*, 2011, 21(4), 323–343. DOI:10.1111/j.1468-2885.2011.01391.x
- Cohen S. Narodnye d'javoly i moral'naja panika. Sozdanie modov i rokerov. Moscow: Vysshaya shkola jekonomiki, 2022. (in Russian) DOI:10.17323/978-5-7598-2341-4
- Corcoran E., Doty J., Wisniewski P., Gabrielli J. Youth sexting and associations with parental media mediation. *Computers in Human Behavior*, 2022, 132, 107263. DOI:10.1016/j.chb.2022.107263
- Deci E.L., Ryan R.M. The “What” and “Why” of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior. *Psychological Inquiry*, 2000, 11(4), 227–268. DOI:10.1207/S15327965PLI1104_01
- Fam J.Y., Männikkö N., Juhari R., Kääriäinen M. Is parental mediation negatively associated with problematic media use among children and adolescents? A systematic review and meta-analysis. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue Canadienne Des Sciences Du Comportement*, 2023, 55(2), 89–99. DOI:10.1037/cbs0000320
- Farooq M.S., Asim I. Parental Involvement as Predictor for Self-regulated Learning and Academic Achievement of Students at Secondary School Level. *Journal of Educational Sciences & Research*, 2020, 7(1), 1-14.
- Fereday J., Muir-Cochrane E. Demonstrating Rigor Using Thematic Analysis: A Hybrid Approach of Inductive and Deductive Coding and Theme Development. *International Journal of Qualitative Methods*, 2006, 5(1), 80–92. DOI:10.1177/160940690600500107
- Fisk N. “...when no one is hearing them swear” - Youth Safety and the Pedagogy of Surveillance. *Surveillance & Society*, 2014, 12(4). DOI:10.24908/ss.v12i4.5059
- Gabrielli J., Marsch L., Tanski S. TECH Parenting to Promote Effective Media Management. *Pediatrics*, 2018, 142(1), e20173718. DOI:10.1542/peds.2017-3718
- Glatz T., Crowe E., Buchanan C.M. Internet-specific parental self-efficacy: Developmental differences and links to Internet-specific mediation. *Computers in Human Behavior*, 2018, 84, 8–17. DOI:10.1016/j.chb.2018.02.014
- Goldstein S.E. Adolescents' Disclosure and Secrecy About Peer Behavior: Links with Cyber Aggression, Relational Aggression, and Overt Aggression. *Journal of Child and Family Studies*, 2016, 25(5), 1430–1440. DOI:10.1007/s10826-015-0340-2
- Hani U., Sonhaji S., Anggraini C.N. Media digital literacy program in improving parental mediation efficacy with community nursing approach. *STRADA Jurnal Ilmiah Kesehatan*, 2020, 9(2), 1779–1787. DOI:10.30994/sjik.v9i2.522
- Hlomov K.D., Davydov D.G., Bochaver A.A. Kiberbulling v opyte rossijskih podrostkov. *Psihologija i pravo*, 2019, 9(2), 276–295. (in Russian) DOI:10.17759/psylaw.2019090219
- Janak A.L. Deti i roditeli v informacionnom prostranstve: vzaimodejstvie, riski i strategii obespechenija bezopasnosti. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Ser.: Sociologija. Politologija*, 2021, 21(1), 64–71. (in Russian) DOI:10.18500/1818-9601-2021-21-1-64-71
- Janak A.L., Shorygin E.A. Traektorii gadzhetizacii detsko-roditel'skih otnoshenij: osnovnye modeli. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Social'nye nauki*, 2019, 3(55), 141–148. (in Russian)
- Kallio A., Ruusuvauro J. Finnish children's questions while watching television with parents. *Journal of Children and Media*, 2019, 13(2), 127–148. DOI:10.1080/17482798.2018.1552882
- Klimenko V.K., Savenysheva S.S. Jelektronnye ustrojstva i rebenok: oposredujushhaja rol' roditel'ej (po materialam zarubezhnyh issledovanij). *Mir nauki. Pedagogika i psihologija*, 2020, 8(4), 40. (in Russian)
- Kurganskij A.M., Gur'janova M.P., Hramcov P.I. Medicinskie i social'no-pedagogicheskie riski ispol'zovanija det'mi mladshago shkol'nogo vozrasta cifrovych ustrojstv: jempiricheskoe issledovanie. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser.: Psihologija i pedagogika*, 2023, 20(3), 501–525. (in Russian) DOI:10.22363/2313-1683-2023-20-3-501-525
- Lin C.A., Atkin D.J. Parental mediation and rulemaking for adolescent use of television and VCRs. *Journal of Broadcasting and Electronic Media*, 1989, 33, 53–67. DOI:10.1080/08838158909364061
- Livingstone S., Helsper E. Parental Mediation of Children's Internet Use. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 2008, 52, 581–599. DOI:10.1080/08838150802437396
- Logan B., Moody K. (Eds.). *Television awareness training: The viewer's guide for family and community*. New York: Media Action Research Center, 1979.
- Lu J., Zhang M., Yuan M. Parenting and parent-child home practice during the COVID-19 pandemic: a case in central China. *Scientific Reports*, 2023, 13(1), 18655. DOI:10.1038/s41598-023-45726-8

Mihajlova O.R. Kto ispol'zuet ponjatie moral'noj paniki? Bibliometricheskij analiz nauchnyh publikacij. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2020, 19(3), 351–375. (in Russian) DOI:10.17323/1728-192x-2020-3-351-375

Naeem M., Ozuem W., Howell K., Ranfagni S. A Step-by-Step Process of Thematic Analysis to Develop a Conceptual Model in Qualitative Research. *International Journal of Qualitative Methods*, 2023, 22, DOI:10.1177/1609406923120578

Nikken P., Schols M. How and Why Parents Guide the Media Use of Young Children. *Journal of Child and Family Studies*, 2015, 24(11), 3423–3435. DOI:10.1007/s10826-015-0144-4

Rudnova N., Kornienko D., Semenov Y., Egorov V. Characteristics of Parental Digital Mediation: Predictors, Strategies, and Differences among Children Experiencing Various Parental Mediation Strategies. *Education Sciences*, 2023, 13(1), 1–14. DOI:10.3390/educsci13010057

Sandhu D., Barn R. “The Internet Is Keeping Me from Dying from Boredom”: Understanding the Management and Social Construction of the Self Through Middle-Class Indian Children’s Engagement with Digital Technologies During the COVID-19 Lockdown. *International Journal on Child Maltreatment: Research, Policy and Practice*, 2022, 6, 489–504. DOI:10.1007/s42448-022-00135-8

Soldatova G.U., Chigar’kova S., L’vova E.N. Onlajn-agressija i podrostki: rezul’taty issledovanija shkol’nikov Moskvy i Moskovskoj oblasti. *Jepoha nauki*, 2017, No. 12, 103–109. (in Russian)

Soldatova G.U., Nestik T.A., Rasskazova E.I., Zotova E.Ju. Cifrovaja kompetentnost’ rossijskih podrostkov i roditelej: rezul’taty vsrossijskogo issledovanija. Moscow: Fond Razvitiya Internet, 2013. (in Russian)

Soldatova G.U., Ol’kina O.I. Otnoshenie k privatnosti i zashhita personal’nyh dannyh: voprosy bezopasnosti rossijskih detej i podrostkov. *Nacional’nyj psihologicheskij zhurnal*, 2015, 3(19), 56–66. (in Russian) DOI:10.11621/npj.2015.0300

Soldatova G.U., Vojskunskij A.E. Social’no-kognitivnaja koncepcija cifrovoj socializacii: novaja jekosistema i social’naja jevoljucija psihiki. *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*, 18(3), 431–450. (in Russian) DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450

Sonck N., Nikken P., Haan J. Determinants of Internet Mediation: A comparison of the reports by Dutch parents and children. *Journal of Children and Media*, 2013, 7, 96–113. DOI:10.1080/17482798.2012.739806

Wang G., Zhao J., Van Kleek M., Shadbolt N. Protection or Punishment? Relating the Design Space of Parental Control Apps and Perceptions about Them to Support Parenting for Online Safety. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 2021, 5(CSCW2), 343:1–343:26. DOI:10.1145/3476084

Young R., Tully M. ‘Nobody wants the parents involved’: Social norms in parent and adolescent responses to cyberbullying. *Journal of Youth Studies*, 2019, 22(6), 856–872. DOI:10.1080/13676261.2018.1546838

Yu J., Xu C., Wu Z. The emerging techno-microsystem and its longitudinal influences on Chinese young children’s behavior problems. *Applied Developmental Science*, 2023, 1–13. DOI:10.1080/10888691.2023.2281326

Information about authors

Tsyganova Ekaterina Mikhailovna. Research intern at the Modern Childhood Research Centre, Institute of education, HSE University, Bld. 10, 16 Potapovsky Ln, 101000 Moscow, Russia.

E-mail: etsyganova@hse.ru

Bochaver Alexandra Alekseevna. PhD, Associate Professor of the Department of Educational Programmes, Faculty of Social Sciences, director of Modern Childhood Research Centre, Institute of education, HSE University, Bld. 10, 16 Potapovsky Ln, 101000 Moscow, Russia.

E-mail: abochaver@hse.ru

Nisskaya Anastasia Konstantinovna. PhD, Associate Professor of the Department of Educational Programmes, Faculty of Social Sciences, Research Associate of the Center for Research on Modern Childhood, National Research University Higher School of Economics (HSE), 16 Potapovsky Ln 10, 101000 Moscow, Russia.

E-mail: anastasiya-nisskaya@yandex.ru

For citation:

Tsyganova E.M., Bochaver A.A., Nisskaya A.K. Child-user image in the perspective of parents of primary school children and early adolescents: a qualitative study. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2024, Vol. 17, No. 98, p. 7.

<https://psystudy.ru>